

Изъ жизни и обычаевъ Піяльскаго прихода Онежск. уѣзда.

Въ составъ нынѣшняго Піяльскаго прихода входятъ 7 деревень, раскинувшихся по обѣимъ сторонамъ р. Онеги, отъ приходскаго храма на растояніи 4 въ одну сторону и 9 верстъ въ другую сторону. Народонаселеніе прихода исключительно русское, по вѣровсповѣданію православное. Жителей обоюго пола около 1800 ч. Самая населенная деревня Хачельская, самая дальняя Кяловангская. При церкви находится около 70 домовъ съ 300 почти жителей об. п. Въ приходѣ два старинныхъ храма: лѣтній трехпрестольный Вознесенскій съ придѣлами въ честь Рождества Пр. Богородицы и св. муч. Флора и Лавра и зимній Клементьевскій съ придѣломъ Зосимы и Савватія Соловецк. чудотворцевъ. Нынѣ храмы благолѣпны „и службы Божіи богато справлены“.

Здѣсь не лишнее будетъ упомянуть, что особенно позаботился о приведеніи храмовъ въ нынѣшній благолѣпный видъ бывшій — покойный нынѣ — священникъ Василій Клементовичъ Григорьевъ.

За свое слишкомъ тридцатилѣтнее служеніе въ Піяльскомъ приходѣ онъ, можно сказать, былъ душой всякаго дѣла по благоуукрашенію храмовъ. До пріѣзда сюда о. Василія Клементовича храмы хотя хранили старинный видъ, но казались запущенными, обветшалыми, мрачными. Покойный употребилъ всю свою энергію, для того чтобы храмы преобразились. Нашлись благодѣтели. О. Василій часто временно вкладывалъ въ дѣло по ремонту храмовъ и свои средства, даже до 2000 рублей; кромѣ того два раза ѣздилъ въ С. Петербургъ къ купцу М. Чебарову. Вообще онъ умѣлъ

находить благодѣтелей. При немъ были устроены паперти, храмы и колокольня обшиты и побѣлены, иконостасы покрашены и позолочены, вновь устроена деревянная ограда, заведенъ 100 пудовый колоколъ; вся почти ризница заново приобрѣтена.

Справедливость требуетъ сказать, что прихожане и сама любители благолѣпія церковнаго и вообще всего православнаго уклада образа жизни.

Храмъ для нихъ дорогъ, около храма зиждется почти вся жизнь ихъ. Лѣтомъ и зимой храмы полны молящихся, „иконъ подножія свѣчymi уставлены“. Любовь ко храму, къ посѣщенію службы—особенно сильно сказывается во дни престольныхъ и великихъ праздниковъ, во дни страстной седмицы и въ св. Пасху. Прихожане считаютъ своею обязанностью присутствовать на чтеніи Евангелистовъ, а съ в. четверга не быть во храмѣ—для нихъ почти наказаніе. Въ день св. Пасхи громадный Вознесенскій храмъ съ великимъ трудомъ вмѣщаетъ молящихся; отъ свѣчей у иконъ и въ рукахъ молящихся—прямо море огня.

Вотъ гдѣ благодарное поле для сѣянія слова Божія, вотъ гдѣ сердца, раскрытыя для вмѣщенія всего добраго, святаго, истиннаго, здѣсь—не у раскольниковъ, каждому доброму слову внимаютъ и... плодъ приносятъ. Земледѣльцы—они трудами рукъ своихъ отъ земельки матушки добываютъ себѣ почти годовой прокормъ. Благодаря усердному труду, хлѣбъ у крестьянъ родится хорошій и въ достаточномъ количествѣ. Скотинкой дорожатъ, держатъ даже овецъ, иначе вѣдь пожалуй, земелька и кормить не станетъ: и для нея нуженъ кормъ. Очень симпатичная черта у вдовъ—не разставаться съ коровой и овцой и не спускать дѣтей въ куски. Бѣдныя! изо всѣхъ силъ быются онѣ съ земелькой; потъ и слезы знакомы имъ; зато у дѣтокъ коровушка съ молочкомъ и овечка съ шерстью. Дѣти ихъ, хотя растутъ и съ вуждой знакомыя, но не съ корзиной и сопровождающей ее праздною, безработной жизнью. Въ Пялѣ дѣти сѣзмальства привыкаютъ къ труду, къ молитвѣ, ко храму, вообще ко всему, что

такъ благородить, дѣлаетъ симпатичнымъ нашего крестьянина—богомольнаго трудолюбца. Особенно трудолюбивы женщины. Мужчины—многіе уходятъ бѣрлачить: въ Питеръ, на сплавъ лѣсовъ и т. п., вообще на чужую сторону. Такъ хозяюшки имъ и „курты“ (роль кафтана, но безъ клиньевъ) изъ овечьей шерсти выткутъ и сошьютъ, и чулокъ не одну пару, и рукавицы кожаныя и шерстяныя и портянки холщевыя—все рабочее платье своими умѣлыми и старательными руками приготовить. Случается, что бѣрлакъ вмѣсто заработка вносить въ домъ только разореніе, и тогда труженицы умѣютъ удержаться отъ полнаго разоренія. Всякое дѣло онѣ исполняютъ всегда добросовѣстно. Услужливость тоже сродны имъ. Права жители смирнаго, большія драки въ рѣдкость. Столъ большею частію вегетеріанскій. Хлѣбъ, щи крупяныя,—съ капустой,—съ картофелемъ, грибовница, рыжики, волнухи, горохъ, брюква, рѣпа, рѣдька, квасъ. Конечно, не безъ рыбы живетъ Пяльскій житель. Ловятъ въ рѣкѣ и на озерахъ; щуки, лещи, окуни, язи, караси, налимы—попадаютъ въ порядочномъ количествѣ. У поморовъ покупаютъ и соленую рыбу. Рыба—даже соленая—употребляется запеченая въ пирогъ. Ъдятъ щипками, понемного. Мелкую рыбу сушатъ и варятъ изъ нея уху.

Одежда крестьянъ уже не стариннаго покроя. Пальто, пиджакъ, галоши,—вообще на городской манеръ одѣваются, какъ мужчины, такъ и женщины; есть такая слабость приварядиться. Конечно, есть и темныя старины жизни Пяльскихъ прихожанъ, между коими водка съ ея непривлекательными картинами занимаетъ выдающееся положеніе; но это такое зло, бороться съ которымъ обязаны всѣ благомыслящіе сыны и граждане Россіи, а особенно пастыри церкви.

Для большаго ознакомленія съ Пяльскими житейскими свѣчами мы рѣшили предложить на страницахъ Епархальныхъ Вѣдомостей описаніе пяльской свадьбы, которая обставлена здѣсь многими трогательными причетами.

Обычно сватья нарядно одѣтая и серьезно настроенная идетъ къ назначенному дому и вхо-

дять въ комнату, истово крестится на иконы, кланяется хозяину и хозяйкѣ, которые догадываясь о причинѣ ея прихода, просятъ ее „пройти, присѣсть, чашечку чайку съ ними откушать“. Сватья не теряя важности дальше однако не проходитъ, а начинаетъ держать приблизительно такую рѣчь.

— Пришла я къ вамъ за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ; у васъ вотъ есть дочка—невѣста, а у меня племянникъ (такой то)—женихъ, давайте-ка нову роденьку заводить.

— Благодаримъ покорно, отвѣчаютъ хозяева, за честь, гдѣ-же самъ-то (называютъ жениха).

— Да ужъ вы сначала объявите свое согласіе, а онъ не замедлитъ явиться.

— Да мы-что, мы не прочь отъ родства, какъ дочка-то, ее спросимъ. вѣдь ей жить-то..—Проходи, присядь.

— Нѣтъ ужъ, увольте, подожду, что скажетъ невеста.—Да что, невеста не пойдетъ противъ родителей, она у насъ дѣвка послушная. Мать уходитъ и затѣмъ является съ заплаканными, но радостными глазами и объявляетъ, что дочь ея согласна идти замужъ за указываемаго жениха. Родители снова просятъ сватью садиться, чайку откушать. Теперь она проходитъ, угощается, но долго не засиживается—идетъ за женихомъ, который находится въ ожиданіи своей участи. Получивъ отъ сватьи извѣстіе о согласіи, женихъ вмѣстѣ со сватьей идутъ въ домъ родителей невесты. Сватья проситъ родителей привести невесту, помолиться Богу, Бога въ свидѣтели поставить, благословенія у Него просить. Вырядившуюся нѣсколько невесту приводятъ. Женихъ и невеста становятся рядомъ и всѣ молятся Богу. Отецъ и мать невесты берутъ по рукамъ со сватьей. Затѣмъ садятся за столъ женихъ въ большой уголъ, по правую руку сватья, по лѣвую невеста и угощаются чаемъ. Послѣ чаю женихъ со сватьей уходитъ, при чемъ если женихъ изъ другой деревни, то онъ отправляется лишь на квартиру, такъ какъ домой ѣхать еще нельзя. Послѣ ухода сватьи и

жениха, родители невесты оповѣщаютъ всю свою родню, чтобы собирались на „пропивку невесты“. Вѣсть о сватовствѣ быстро разносится по селу; подружки невесты первая прибѣгаютъ къ ней. Приходятъ дяди, тетки, крестный отецъ, „божатка“, однимъ словомъ вся родня. Посылаютъ за женихомъ, въ ожиданіи котораго собравшіеся тетюшки и родственники долгомъ своимъ считаютъ поговорить о жениховой роднѣ, посудачить немного о томъ, что молодую-де дѣвку выдаютъ замужъ, успѣли-бы и т. п., но это только такъ „прилики ради“. Настроenie у всѣхъ въ общемъ радостное, веселое. Приходитъ женихъ со сватьей, съ ними и дядя жениха, неся съ собою посудину водки—полведра или сколько вырядитъ отецъ невесты при сватовствѣ. Мать невесты собираетъ на столъ стелетъ чистую скатерть, по большой части бѣлую, кладетъ два хлѣба ржаныхъ среди стола одинъ на другой, наверхъ ставитъ соль въ солончкѣ. Для закуски рѣжетъ третій хлѣбъ толстыми ломтями, ставитъ на столъ рыбу соленую (сельди, треску и т. д. что припасется) и невестина родня во главѣ съ отцомъ невесты садятся за столъ. Бутыль откупоривается и начинается „пропивка“ невесты. Прежде всего женихъ потчуетъ будущаго тестя, при чемъ дядя и сватья тоже со своей стороны упрашиваютъ его. Другой стаканъ женихъ подаетъ матери невесты. Отецъ и мать благодарятъ будущаго зятя и выпиваютъ по стакану; стаканъ возвращается, снова наполняется и обходитъ всю родню по ряду почему и называется „рядовымъ“. Послѣ обхода женихъ обращается къ отцу и матери невесты съ просьбой—нельзя-ли увидать невесту. Тогда двѣ подружки выводятъ невесту и стараются подвести къ жениху, но она обычно упирается, и ее упрашиваютъ „подвинуться“: „подвинься, поближе, еще подвинься“. Женихъ стоитъ со стаканомъ водки и дожидается. Наконецъ невеста близко. Женихъ подаетъ ей стаканъ водки, она беретъ стаканъ, чуточку отпиваетъ и возвращаетъ стаканъ жениху. Но женихъ не беретъ, проситъ еще отпить; невеста отнѣкивается, однако послѣ долгихъ упрасиваній еще отпиваетъ.

Послѣ невѣсты женихъ угощаетъ и дѣвушекъ — ея подружекъ, Дѣвушки тоже сначала отказываются, но послѣ упрасиваній жениха и онѣ по немногу отпиваютъ. Затѣмъ невѣсту уводятъ. Вся эта церемонія ведется подъ шумный, веселый говоръ охмѣлившихъ родичей невѣсты, при большомъ скопленіи зрителей и зрительницъ. Духота, шумъ запахъ водки и пота, — смѣшиваются въ одну одуряющую даже свѣжія головы — атмосферу. Обносимый прежнимъ порядкомъ „рядовой“ прибавляетъ веселья. Наконецъ вино выпито и поохмѣлѣвшая родня расходится. Со стола все убираютъ, стелютъ чистую скатерть, ставятъ самоваръ. Опять выводятъ нарядную невѣсту; женихъ, дядя ея и сватья — усаживаются за столъ; рядомъ съ женихомъ садится сватья, возлѣ нея подружки. Женихъ угощаетъ невѣсту и дѣвушекъ гостинцами (конфетами, закусками, кренделями). Послѣ окончанія чаепитія женихъ уходитъ; невѣста, мать ея, подружки и божатка по обыкновенію немедленно начинаютъ голосить; поднимается плачь, вѣрнѣе, одно оханье, аханье безъ словъ. Зрительницы — молодки, дѣвушки стараются съ своей стороны покрыть этотъ плачь звуками пѣсни. Своими звонкими голосами, высокой ноткой онѣ поютъ. „Ходи ходи — гуляй дѣвушка, докуль волюшка своя; волюшка, не покрыта голова. Покроютъ головушку, вся минуется гульба. Вся гульба, игра минуется, прочь отступятся друзья. Всѣ дружки наши отступятся, удалые молодцы. Просватали вечеръ дѣвушку на чужую сторону. На чужу на дальнюю сторону, за старого старика. За такого стараго за сѣдую бороду. Не спускаетъ старый мужъ на улицу. Хоть и спуститъ старый „мужъ самъ въ окошечко глядитъ. Не стоитъ ли любушка у чужихъ у воротъ. Не ронитъ-ли любушка горючихъ слезъ изъ глазъ. Стояла тамъ дѣвушка, цѣлый день ждала дружка. Не дождавшись милаго, кроватушку собрала. Собрала кроваточку, ложилася спать одна“... Невѣста продолжаетъ плакать. Дѣвушки стараются ее утѣшать, и всячески не даютъ ей плакать. Такъ проходитъ день сватовства; съ нимъ кончается у невѣсты и волюшка:

ее теперь не выпускают до вѣнца даже изъ избы. Дѣвушки собираются къ ней каждый день пѣютъ приданое, поютъ пѣсни. Не малый интересъ въ Піяльской свадьбѣ представляютъ изъ себя т. н. „заплачки“. Заплачка бываетъ въ разное время не задолго до свадьбы. Если отецъ позволить дочкѣ собирать вечеринки, то заплачка бываетъ раньше. Незакрытая невѣста вечеринокъ не собираетъ. Ведутъ заплачку спеціальныя стиховодчицы, нарочито для сего приглашаемыя. Напѣвъ всѣхъ причетовъ томный, жалобный, что при извѣстной обстановкѣ способствуетъ лишь увеличенію горя невѣсты, особенно, когда ее выдаютъ противъ воли, за немилаго. На заплачку собирается народу множество, родственники невѣсты всѣ и всѣмъ имъ невѣста обязательно плачетъ, такъ что къ концу заплачки у невѣсты не остается голоса и она говоритъ шопотомъ и то сиплымъ. Въ день заплачки по селу заколачиваютъ: „на заплачку, на заплачку“. Заплачка начинается до захода солнца, но не задолго. Свадьбы бываютъ большею частію зимой. Вообще стараются закрыть невѣсту до заката солнца.

(Окончаніе будетъ).

Изъ жизни и обычаевъ Піяльскаго прихода Онежскаго уѣзда.

(Окончаніе..)

Черезъ недѣлю послѣ сватовства объявляется день вѣнчанія. За три дня до него съ полудня по деревнѣ снова ходитъ мальчикъ съ палкой, колотитъ ею въ окошко каждаго дома, и, стараясь быть услышаннымъ, выкрикиваетъ; „къ такой то на заплачку“. Молодежь старается прикончить поскорѣе всѣ дѣла свои, чтобы пораньше забратъся въ избу, а не зябнуть на улицѣ и въ сѣняхъ, и со всѣхъ сторонъ спѣшить къ дому невѣсты. Малые ребята забираются на лавки, на печку, на полати, если послѣднія не убраны. Въ печномъ углу сре-

ди подружекъ сидить невѣста. Тутъ же сидятъ три извѣстныя всей Піялѣ стиховодчицы. Подходить со слезами на глазахъ къ невѣстѣ мать ея, неся въ рукахъ повязку *) изъ парчи съ жемчугомъ да платокъ большой. Увидѣвъ мать съ повязкой въ рукахъ, невѣста захватывается обѣими руками за голову и начинаетъ плакать. Плачетъ и мать; она гладитъ по головѣ свое сокровище. уговариваетъ ее одѣть повязку да платъ накинуть на голову. Повязка—эта эмблема женскаго рабства, женскаго подневольнаго житья; она давитъ бѣдное сердце и невѣста рыдаетъ. У всѣхъ почти слезы. Стиховодчицы „ведутъ стихи“:

„Что за чудо, что за диво великое! прежде этой-то поры да и времени не ходила свѣтла заря утроранняя да во клѣтушку новорублену. По севодняму по вечеру по позднему всходила свѣтла заря да утроранняя, принесла мнѣ жемчужну повязочку, одѣла мнѣ на буйву головушку“. Въ это время мать одѣваетъ невѣстѣ повязку, покрываетъ ее платкомъ и ведетъ ее изъ печного угла въ большой. Стиховодчицы продолжаютъ: „Разступитесь-ка народъ да люди добрые, пропустите-ко меня во большой уголъ: помолюся-ко я сиза голубушка ужъ я Спасу, Пресвятой Богородицѣ“. Невѣста съ матерью молятся Богу и садятся на лавку въ большой уголъ. Здѣсь еще нѣсколько времени невѣста съ матерью сидятъ обнявшись и плачутъ. Мать уходитъ. Зовутъ отца: „Ты пожалуй красно солнце угрѣвное ко мнѣ въ тихую бесѣду смиренную“, невѣста стоитъ на ногахъ—„не томи ты меня сизу голубушку, подломилися мои ноги рѣзвыя, растоснулося мое сердце ретивое. Приходить отецъ. Невѣста кланяется ему въ ноги три раза. Стиховодчицы продолжаютъ:

„Спасетъ Богъ тебя свѣтло солнце угрѣвное, не томилъ ты меня сизу голубушку. Теперь сядемъ-ка, красно солнце угрѣвное да промежъ два свѣтлыхъ окошка косатыхъ, на одну брусову лавочку. Что да я спрошу

*) Повязка въ заплачку одѣвается похуже, хорошая одѣвается въ вѣнчальный день.

у тебя печальна сиза голубушка: ужъ я въ чемъ-то у васъ да проступилася. Ужъ я худо-ли у васъ да работала, ужъ-ли дровъ я вамъ во подваживала, ужъ и на контору-то лѣсъ я не вываживала, ужъ и по сѣно-то я ѣхать не отказывалася, коня-ли ужъ, коровушку не кармливала....

Спасетъ Богъ тебя красно солнце угрѣвное, какъ за хлѣбъ за соль, за яства сахарныя, за наряды великія; наряжалъ ты меня сизу голубушку лучше всѣхъ милыхъ подружекъ любовныхъ“. Кланяется отцу въ ноги. Отецъ уходитъ.

Если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ матери, то по вязку одѣваетъ ей или мачиха, или божатка, или старшая невѣстка. Если нѣтъ въ живыхъ отца, невѣста беретъ въ охапку шубу отцовскую, а стиховодчицы припѣваютъ: „Ужъ какъ нѣтъ у меня сизой голубушки свѣтла солнца угрѣвнаго еслибъ былъ онъ, свѣтло солнце угрѣвное, пожалѣль-бы меня сизу голубушку, не отдалъ-бы меня молодешеньку, ужъ я разумомъ то глупешенька. Ужъ и некому нарядить-то меня сизу голубушку“. (Если жила у брата) Наряжалъ-то меня родимой, ласковой брателко, заводилъ мнѣ онъ платье цвѣтно--хорошее. (Если жила въ работницахъ) „наряжалась я со своихъ-то плечъ могучихъ, со своихъ-то рукъ да и бѣлыхъ (вспоминаетъ всю свою жизнь).

Зовутъ снова мать: „Ты пожалуй-ка свѣтла заря да утроранняя ко мнѣ въ тихую бесѣду смиренную не томи ты меня сизу голубушку, подломилися мои ноги рѣзвыя, растоснулося мое сердце ретивое“. Мать приходитъ, невѣста кланяется ей въ ноги одинъ разъ, потомъ садятся на лавку и, обнявшись, плачутъ подъ стихи: „спасетъ Богъ тебя, свѣтла заря да утроранняя, не томила ты меня сизу голубушку. Теперь сядемъ-ка, свѣтла заря да утроранняя, да промежъ два свѣтлыхъ окошка косатыхъ, на одну брусову лавочку. Что да я спрошу тебя печальна сиза голубушка: была-ли ты въ думѣ въ заговорѣ великомъ, присудила-ли отдать меня сизу голубушку на злодѣйку чужу дальнюю сторону. Ужъ я въ чемъ-то у васъ да проступилася и т. д. что и отцу.

Спасеть Богъ тебя свѣтла заря утрорання какъ за хлѣбъ за соль, за яства сахарныя да за добро, да за ласкотку великую. Сколь добра ты до меня была, не будила меня сизу голубушку утромъ ранехонько, ты спускала меня побѣдну головушку по гутьбищамъ и на хорошія, веселыя вечериночки“.

Если у невѣсты нѣтъ матери, она беретъ материнскій сарафанъ и надъ нимъ плачетъ: „Ужъ какъ нѣтъ у меня свѣтлой зари да утроранней, еслибы была она свѣтла заря да утрорання, пожалѣла-бы меня сизу голубушку, не отдала-бы меня молодешеньку: ужъ я разумомъ-то глупешенька. Ужъ и некому пожалѣть-то меня печальну сизу голубушку; еслибы была ты свѣтла заря да утрорання, заступилась-бы за меня сизу голубушку“.

Послѣ матери невѣста плачетъ брату или братьямъ, если таковыя есть. Стихи тѣже что и матери; называетъ брата „родимый брателко“. Послѣ братьевъ плачетъ сестрѣ:

„Ты пожалуй-ка, сестрица родимая, ко мнѣ въ тихую бесѣду смиренную, не томи и т. д....“

Спасеть Богъ тебя, сестрица родимая, не томила ты меня печальну сизу голубушку. Теперь сядемъ-ка мы по прежнему съ тобой да по старому, какъ сидѣли съ тобой за дѣломъ, рукодѣльемъ великимъ, ужъ пѣли заунывныя пѣсенки, веселились мы буйныя головы. Что да я спрошу тебя печальна сиза голубушка: была-ли ты въ думѣ, въ заговорѣ великомъ“ и т. д. какъ у матери. Не держи, моя сестрица родимая, не держи крѣпкой надежды великой на своихъ свѣтовъ сердечныхъ родителей. Я держала побѣдна сиза голубушка на своихъ свѣтовъ сердечныхъ родителей; не спросили меня побѣдну сизу голубушку, задумали выдавать меня сизу голубушку на злодѣйку чужу—дальнюю сторону: надоѣла вѣрно имъ побѣдна сиза голубушка. Когда я то буду побѣдна голубушка на злодѣйкѣ чужой дальней сторонѣ, въ чужомъ то тепловитомъ гнѣздышѣ, протори ты путь дорожку широку въ чужой домъ въ тепловитое гнѣздышко, посмотри ты на меня на сизу голубушку, ужъ

какъ я тамъ буду обживатися, ко чужимъ-то людямъ придабриваться“. Вспоминаетъ и дѣвичье житье.

Если у неvěсты близко крестная мать, то и она прѣзжаетъ на заплачку. Съ ней неvěста плачетъ такъ: ты пожалуй-ка, крестова божатушка ко мнѣ... тоже, что и матери.... Спасетъ Богъ тебя, крестова божатушка, за чести да за гостыбина, за любви великія. Я гостила во вашъ домъ, въ тепловитое гнѣздышко, приняла ты меня побѣдну голубушку вмѣсто дочери, косатой ласточки, угощала меня печальну сизу голубушку. Если у крестовой матери недавно была выдана замужъ дочь, то неvěста вспоминаетъ ее, особенно, если свекровь сердитая, и проситъ пожалѣть ее какъ роженую доченьку. Неvěста кланяется крестной матери въ ноги и причитаетъ: „Спасетъ Богъ тебя, крестова божатушка, за хлѣбъ, за соль, за яства сахарныя, за доброту, за ласкоту, за любви великія“. Проситъ, какъ и сестру, не забыть ее въ новомъ тепловитомъ гнѣздышкѣ, посѣтитъ ее. Крестная уходитъ. Плачетъ неvěста и остальной роднѣ, причемъ неизмѣнно повторяются: „ты пожалуй... спасетъ Богъ....“ разница лишь въ именахъ: дядюшку называетъ „родимой ласковой дядюшка“, также и тетюшку, съ ними припоминаетъ про гостыбу, про ласки.

На заплачку прѣзжаетъ и сестра женихова—золовка. Ей неvěста плачетъ нѣсколько, особенно. „Мнѣ сказали печальной сизой голубушкѣ: есть въ прѣздѣ честна гостыя прѣзжая, голубушка (имя и отчество) Ты пожалуй, честна гостыя прѣзжая, голубушка (такая-то) ко мнѣ въ тихую бесѣду, смиренную, не бойся меня сизой голубушки, что не тиха я сажу, да не смиренная“ Неvěста кланяется золовкѣ будущей 3 раза въ ноги, захватываются за шею, садятся въ уголь и плачутъ. Потомъ неvěста встаетъ, кланяется въ ноги пока стиховодчицы поютъ: „Спасетъ Богъ тебя Божья Мать Богородица, что прѣехала ты къ намъ мила подружка любовная. Когда буду я въ вашемъ домѣ, въ тепловитомъ гнѣздышкѣ и нанесутъ на меня слово бранное, заступись ты за меня сизу голубушку, поучи меня побѣдну сизу голубушку на дѣла да руководѣля великія да на

рѣчь поговорну хорошую“. Невѣста садится на лавку и здѣсь еще плачетъ вмѣстѣ съ золовуской. Послѣднимъ плачетъ невѣста своимъ подружкамъ, онѣ садятся по обѣ стороны невѣсты, ихъ невѣста захватываетъ за шею, обнимаетъ и плачетъ: „сядемъ-ка мы по прежнему съ вами да по старому промежъ два свѣтлыхъ окошка косатыхъ на одну брусову лавочку. Какъ сидѣли съ вами за дѣломъ рукодѣльемъ великимъ, ужъ пѣли заунывные пѣсенки, веселились мы буйныя головы, мы не знали злой кручины великой; мы ходили, да гуляли, веселились по хорошимъ веселымъ вечериночкамъ. Видно ужъ вся пора прошла да миновалася, все то время позади пріосталось, прошло крѣпкое спанье да забудущее, прошли долги полуночны вечериночки. Пойдите милы подружечки любовны на хорошія ледяныя горочки, пойдите по лѣту по теплomu по широкимъ роскошнымъ поженкамъ, вспомните меня сизу голубушку: нѣтъ ужъ съ нами милой подруженьки нѣтъ, не ходитъ, не гуляетъ, не красуется у своихъ свѣтовъ сердечныхъ родителей“. Наконецъ подружки перестаютъ плакать (случается, ихъ оттаскиваютъ), невѣсту унимаютъ, ласкаютъ, гладятъ по головѣ, и ковчаютъ заплачку пѣсней. Подъ пѣсню невѣста мало по малу затихаетъ. Послѣ заплачки всѣ уходятъ. Стиховодчица, невѣсту и подружекъ угощаютъ чаемъ и виномъ,

На канунѣ свадьбы подружки топятъ невѣстѣ баню. Невѣсту моетъ особая женщина, которая умѣетъ на воду наговаривать. Невѣстѣ одѣваютъ поверхъ рубашки сѣтку (если нѣтъ нарочито приготовленной, то рыболовную), которая служитъ предохранительнымъ отъ всякой порчи и дурного глазу талисманомъ. Около 10 часовъ вечера къ невѣстѣ пріѣзжаетъ женихъ съ гостинцами и подаркомъ (на платье, гребенку, косынку), невѣста даритъ жениху шелковый платокъ. На столъ ставятъ самоваръ; женихъ и невѣста, подружки ея и сватья женихова, которая пріѣзжаетъ съ женихомъ, садятся за столъ. Женихъ предлагаетъ свои гостинцы. Около полуночи женихъ со сватьей уходятъ.

Въ вѣнчальный день, утромъ часовъ въ 5, къ родителямъ невѣсты является большая сватья съ дружкой жениха и говоритъ „здравствуйте, называетъ имена, и у васъ сватала, низко кланялась, челомъ била, живо пила, по рукамъ ударила, нельзя-ли желаемое получить“. — „Невѣста еще спитъ“, отвѣчаетъ мать невѣсты, „проходите, садитесь“. Гостей угощаютъ и послѣ угощенія они уходятъ. Невѣста все будто-бы спитъ. Часовъ въ 8 утра дружки вторично приходятъ будить невѣсту. Надъ дружками дѣвушки иногда шутятъ: невѣсту прячутъ промежь себя, а повязку одѣваютъ на другую дѣвушку и говорятъ: „вѣтъ у насъ невѣсты“. Дружки расталкиваютъ дѣвушекъ, стараются поймать мнимую невѣсту въ повязкѣ. При общемъ смѣхѣ, схватываютъ, наконецъ, дѣвушку въ повязкѣ, выводятъ ее и тутъ замѣчаютъ свою ошибку, а имъ-то кричатъ: „не нашли невѣсту, не нашли невѣсту“. Снова ищутъ невѣсту среди дѣвушекъ. Находятъ, одѣваютъ ей повязку, отводятъ въ большой уголъ, невѣста плачетъ: „пришли дружки, калѣки перехожіе, разбудили меня сизу голубушку, не дали мнѣ поспать да понѣжиться у своихъ свѣтовъ сердечныхъ родителей. Мнѣ недолышко спалось, да много видѣлось. Пришла утренняя заря свѣтло-равняя, правой-то рукой да разокутала: ты вставай, вставай-ка, мило дитятко, заспалось ты у меня да занѣжилось; еще лѣвой-то рукой да закутала: ты поспи, поспи, родимо дитятко, пока у своихъ сердечныхъ родителей, въ своемъ домѣ, въ тепловитомъ гнѣздышкѣ. Вы пойдете-ка, милы подружки любовныя, поразмыкаемъ тоску кручиву великую“. Идутъ въ большой уголъ. Сама невѣста обращается къ подружкамъ и причитаетъ: „еще всѣ сизы голубушки, всѣ вы сидите приваряжены, пріучесаны ваши буйны головушки; ужъ какъ я побѣдна сиза голубушка неучесана, неуглажена, растрепались всѣ мои свѣтлорусые волосы, растоснулось мое сердце ретивое“. Приходитъ божатка косу расплетать по зову невѣсты: „ты пожалуй ко мнѣ, крестова божатушка, расчесать мою буйну головушку“, а сама межъ тѣмъ какъ можно крѣпче завиваетъ косу около руки и плачетъ, не даетъ

развивать косу. Наконецъ коса расплетена, отдали невестѣ и косоплетку (на этотъ случай крѣпкій шнурокъ съ бусами), она причитаетъ: „покарасуйте мои свѣтлорусые волосы пока на своей на вольной волюшкѣ у своихъ свѣтовъ сердечныхъ родителей. Видно вся пора прошла да миновалася, все то время назади пріосталось“. Кончивъ причитать, она начинаетъ хлопать дѣвušекъ косоплеткой. Три раза принимается она бить дѣвušекъ косоплеткой, потомъ въ большомъ углу бьетъ косоплеткой о лавку до тѣхъ поръ, пока все бусы раздробить въ кусочки.

Приносятъ подвѣнечное платье и пока только набрасываютъ на невесту, шутя одѣваютъ. Приходитъ отецъ невесты, невеста прощается съ подружками: „вы простите мои подружки любовныя, голубушки“. Дѣвušки не даютъ уводить невесту, но съ отцомъ чтоже подѣлешь. Скоро пріѣдетъ свадебный поѣздъ, пора невесту одѣвать. Вскорѣ, дѣйствительно, звонъ многочисленныхъ бубенчиковъ позвѣщаетъ, что свадьба ѣдетъ. Впереди поѣзда шибко ѣдутъ, поднимая свѣжвую пыль, дружки жениха, за ними женихъ со сватьей, тамъ еще двое, трое савей съ родней жениха. Входятъ въ избу, молятся и приглашаются за столъ, гдѣ ихъ угощаютъ виномъ. Невесту одѣваютъ; украшаютъ голову ея нарядной поряской и закрываютъ большимъ шелковымъ — цвѣтами — платкомъ. Платье одѣваютъ шелковое (или кашемировое). Отецъ и мать благословляютъ ее, выводятъ къ жениху и ставятъ за столъ рядомъ съ женихомъ. Въ это время дѣвušки поютъ: „вотъ идетъ, идетъ обманщица, вотъ велика заговорщица. Говорила, обманывала, говорила не пойду въ замужъ за купца, не за барина. Еще пошла замужъ за простого крестьянина“. За столомъ сидятъ недолго. Обнесутъ по рядовой и собираются въ церковь вѣнчаться.

Пока женихъ съ невестой сидятъ за столомъ, дѣвušки поютъ: „ты прости, наша сиза голубушка, у насъ дѣльная была да рукодѣльная, у насъ трудница была да работница, она сходная была да разговорная“. Затѣмъ встаютъ, молятся Богу, ѣдутъ въ церковь.

Священникъ *Александръ Боголюбовъ*.